

Традиционные культуры и проблема глобализации¹

(По материалам этнической прессы США)

В настоящее время во всём мире, наряду с подъёмом этнического самосознания, наблюдается тенденция к признанию различными народами общности своих интересов, своего общечеловеческого единства. Уникальный вклад в это индейцев США – попытка воссоздания и пропаганды исторической основы единства – духовной культуры той поры, когда человечество ещё не было разобщено.

США – государство, создавшее народ путём переплавки многих наций. Индейцы – в числе тех, кто могли, но не пожелали отказаться от собственной национальной идентичности. Вместе с тем они не только осознают себя в настоящее время представителями единого союза индейских племён Америки и – шире – представителями союза аборигенных народов Земли. Индейцы воспринимают себя представителями общечеловеческого братства народов и стремятся строить свои отношения с другими нациями на основе взаимного интереса и стремления понять друг друга.

Налицо как вращение индейских общин в экономическую и политическую систему США, так и поиски «своих путей», как культурная ассимиляция, так и обострение внимания к собственным истории, религии, традициям, языку.

Наиболее заслуживает, на мой взгляд, внимания идеологическая концепция индеанистского движения, выразителем которой стала часть печатных изданий «коренных американцев» во главе с общенациональной газетой «Аквесасне Ноутс» (Akwasasne Notes). Она издаётся в Аквесасне, резервации ирокезов-мохауков на границе США и Канады, с 1968 г. и руководствуется в своей деятельности идеями индейского традиционализма, способствуя их дальнейшему развитию и распространению.

Основы культуры аборигенного населения США, несмотря ни на что, не только живы, но и нашли признание в современном мире. В этом случае можно говорить о национальном возрождении, процесс которого действительно наблюдается с шестидесятых годов XX столетия и встречает всё возрастающий интерес со стороны неиндейского населения Штатов. О причинах и особенностях того и другого пойдёт здесь речь.

Журналистика коренных американцев периода Индейского Возрождения не только отражает различные политические, философские, религиозные тенденции в индейском сообществе, но и находится в числе лидеров национальных движений, играя тем самым важную роль в общественной и культурной жизни.

Данное исследование показало, что определяющими в общественной жизни и журналистике коренных американцев являются два направления: традиционализм и «западничество». Наиболее яркими выразителями их взглядов стали две крупнейшие газеты – «Аквесасне Ноутс» и «Вассаха» (Wassaja) (последняя в настоящее время уже не издаётся).

Издания обоих направлений – активные борцы за права индейцев, за сохранение их культурного наследия, участники миротворческого и экологического

¹ *Статья опубликована в книге: Перспективы цивилизации. Философские проблемы: Сборник статей: Учебное пособие / МГИМО (У) МИД России; Кафедра философии; под общ. ред. проф. Г.Ф. Хрустова, проф. А.В. Шестопала. – М.: «МГИМО – Университет», 2009. – 588 с. – С. 301–346.*

движений. Однако только традиционалистская печать выходит за рамки борьбы национального меньшинства, поднимая общечеловеческие философские, нравственные и социальные проблемы.

В крупнейшей стране цивилизованного мира её коренное население приняло на себя ответственность напомнить неписанные законы, тысячелетиями определявшие жизнь людей. Совсем недавно разделённые вековой враждой народы начали понимать, что у всех у них одна судьба, что будущее планеты и тех, кто её населяет, зависит от их отношения друг к другу и к Земле, матери всего живого. Оказалось, многое нужно пересмотреть, отказаться от прежних политических позиций, по-новому оценить место человека и его деятельности в экологической системе.

В числе лучших достижений человечества, несомненно, традиции свободы, равенства и братства, бывшие не мечтой, а реальностью древних сообществ. Эти традиции воскрешаются теперь традиционалистскими изданиями – наиболее значительной (как по содержанию, так и по тиражу) частью индейской печати.

Возникновение традиционалистских концепций истории человечества закономерно. Общественные, культурные, религиозные позиции индейского традиционализма актуальны в современном мире и достаточно популярны не только внутри, но и вне индейского сообщества. Таким образом, можно говорить о традиционализме и о традиционалистской индейской печати как о явлениях мирового значения.

Индейцы, которых долгое время воспринимали отмирающим рудиментом давно минувшей поры, оказались сегодня чрезвычайно актуальны с простыми и непреложными истинами своей культуры. Собрать черты этой культуры, сохранившиеся в каждом народе, взглянуть на общие задачи с позиций здравого смысла и взаимоуважения – вот к чему призывают коренные американцы.

Традиции высокой духовности, прошедшие испытание суровой историей индейских народов, обладают необыкновенной притягательной силой, представляют собой альтернативу существующей системе ценностей массовой культуры.

«Мы отстаиваем духовность. Но именно поэтому нельзя бездействовать. В наше время духовность не может быть аполитичной» (10, 10, 134). Следуя этому утверждению, «Аквесасне Ноутс» всегда находилась в центре общественной жизни индейцев США. Газета была одной из немногих, подробно освещавших все крупнейшие политические акции коренных американцев, организованные Движением Американских Индейцев (ДАИ).

Импонирует «Аквесасне Ноутс» и международная деятельность ДАИ: созданный по его инициативе Международный совет по договорам с индейцами (США, Канады и Латинской Америки) в 1975 г. открыл постоянное представительство при ООН в качестве неправительственной организации, подняв на новый уровень политическую деятельность аборигенов Америки.

В данном исследовании будет представлена идеологическая основа наиболее значительной (по содержанию) части изданий коренных американцев периода Индейского Возрождения (1980–90-е гг.). Эти издания (прежде всего, «Аквесасне Ноутс», «Индиэн Ридер», «Игл Уинг Пресс») являются источником и проводником идеологии индейского традиционализма – философско-культурного и религиозного течения, популярного в настоящее время как среди «коренных», так и среди части «белых» американцев.

Национальная интеллигенция как среда традиционализма

В 1982 г. нью-йоркский индейский театр поставил спектакль по пьесе А.П. Чехова «Три сестры». Только действие его происходит в Америке, а героинями стали три сестры индейки, мечтающие об оставленной ими резервации. Событие это, на первый взгляд, курьёзное, достаточно символично на самом деле: экспериментаторы уловили и не побоялись акцентировать так смело своё, родное в чеховской русской теме. Тема эта – «интеллигентская» тоска по «золотому веку», по духовной родине – оказалась общей.

Позволю себе предположение относительно причин возникновения традиционалистских настроений. Большинство народов мира в разное время подверглось воздействию цивилизации извне, т.е. те изменения, которые она несла, возникали не из внутренней логики развития, а под воздействием внешней необходимости.

Необходимость эта могла иметь различный характер, и в зависимости от этого цивилизация распространялась одним из двух способов: или народ завоёвывался, и новые его поколения воспринимали цивилизацию, уже в значительной степени утратив национальную самобытность. Или народ поневоле воспринимал цивилизацию от соседей под угрозой завоевания, дабы сохранить независимость, государственность, собственные общественные структуры, поскольку цивилизация, определённно, давала техническое и военное, в частности, преимущество.

Этот постепенный переход к цивилизации происходит в два этапа: первый этап знаменуется эйфорией в определённых кругах по поводу пользы нововведений, чрезмерной, но неизбежной, иначе они не могли бы адаптироваться на новой почве в условиях формальной независимости.

Второй этап начинается тогда, когда процесс становится необратим, захватив до известной степени и весь народ, когда делаются очевидными негативные последствия, однако воспоминания о прежней жизни ещё свежи.

Тогда, как в индивидуальной человеческой судьбе, наступает период ностальгии по духовной родине детства – юношеское ощущение расчленённости мира, своей незащищённости в нём, попытка найти опору и руководство в детской бессознательной цельности. Сложившаяся, уравновешенная с миром (но не сознающая этого) личность, ребёнок с наступлением отрочества теряет всё, приобретая взамен лишь возможность всю жизнь методом проб и ошибок восстанавливать в себе былую данность.

Юность угадывает и неотвратимость потери, и наличие заветной цели жизненного пути. И страшится его, отвращаясь от желанного некогда взросления. Вот состояние, характеризующее молодую национальную интеллигенцию, о какой бы нации не шла речь.

Понятие интеллигенции определяется в данном случае не столько уровнем образования её представителей и их родом занятий, сколько соотношением характера этого образования с национальными культурными установками. Представители национальной интеллигенции сочетают в себе приверженность традиционному народному мировоззрению с «цивилизованным» образованием и усвоением некоторых норм цивилизации. Причём, мировоззрение и характер образования находятся в противоречии, которое необходимо устранить.

Таким образом, под интеллигенцией, как известно, подразумевается не категория лиц умственного труда (можно быть интеллектуалом, но не быть интеллигентом, и наоборот). Интеллигенция – общественная группа, образующаяся на определённом этапе перехода нации от традиционной культуры к заимствованной извне цивилизации. На этом этапе масса народа, исподволь вовлечённая в необратимый процесс, всё ещё во многом продолжает жить доцивилизационными формами: «общинным хозяйством, сельскими сходами, идеей о том, что «земля – Божья», и полужычскими верованиями» (2, 472). Сам термин «интеллигенция» возник, как известно, в России, скорее, как обозначение духовного типа, а не элемента социальной структуры.

Времени формирования интеллигенции предшествует период просвещения – добровольного и безоговорочного культурного заимствования. Интеллигенция возможна лишь как результат этой культурной прививки и, вместе с тем, возникает как протест против неё.

Оторванная просвещением от национальной почвы достаточно, чтобы быть в состоянии оценивать историю и культуру своего народа, национальная интеллигенция, в отличие от сторонников просвещения, тяготеет к корням. Воспитанные в традиционной духовности и, по понятиям цивилизации, в невежестве, создавали культ знания. Пришедшие вслед за ними, в детстве получившие образование как само собой разумеющееся, вновь обращались к «почвенной» духовности.

От непосредственных носителей национальной культуры интеллигенция отличается не только возможностью взгляда со стороны. Владение «цивилизованными» методами познания и источниками информации позволяет ей аккумулировать факты этой культуры в объёме, недоступном для прочих представителей народа. Это становится преимуществом интеллигенции в условиях постепенного отхода всей нации от традиционного образа жизни.

Следуя стремлению исповедовать его, на определённом этапе интеллигенция как бы делается «народнее» самого народа, менее болезненно принимающего новое. Она по-прежнему видит в народе воплощение идеала, но замечает и перемены и чувствует их неизбежность. В этой ситуации интеллигенция принимает на себя миссию защиты прежнего уклада, пытаясь соединить его с уже неотвратимым грядущим.

Национальная интеллигенция – порождение переходного периода, личность её представителей – синтез уходящего и надвигающегося. Поэтому и различные её религиозные, социальные, экономические теории преследуют одну цель: в настоящий период нестабильности преобразённую реальность прошлого, его гармонию, обосновать в качестве идеала будущего. Мессианские идеи возникают как закономерный результат этого.

«Интеллигентские» теории приобретают популярность, когда перемены, принося ухудшение материального положения народа, происходят слишком стремительно, или когда значительная часть народа сама становится до некоторой степени интеллигенцией. То есть когда народ, зайдя достаточно далеко по пути цивилизации, перестаёт удивляться её дарам и начинает мечтать об утраченных ценностях, замечает негативные стороны нового образа жизни и забывает дурное в минувшем.

Изменение политики США в отношении коренного населения, первым признаком чего явился Реорганизационный акт 1934 г., способствовало возрождению национальной интеллигенции. Индейский Ренессанс, начавшийся в 60-е годы XX в., в

своём духовном аспекте и есть следствие её пробуждения. Именно в обозначенном смысле слова «интеллигентскими» и являются традиционалистские издания североамериканских индейцев.

Идеология индейского традиционализма

Наверное, в том и заключено своеобразие лучшей части индейской журналистики, что каждым своим выступлением, будь то проблемная статья, исторический очерк или информационная подборка, она поднимает глобальные вопросы, связанные с определением места человечества на Земле. Не просто запугать читателя ужасающей картиной сегодняшнего мира, а найти корень зла, показать путь его устранения, используя тысячелетний опыт своего народа, – вот суть работы прокезских авторов «Аквесасне Ноутс» и авторов других индейских изданий.

Чтобы решить такую задачу, нужно много узнать, многих выслушать, понять, кем мы все были раньше и кто мы теперь. Это своеобразное назначение печати коренных американцев определяет её философскую направленность.

Философия, мировоззрение, религия, способ жизни – для индейцев все эти понятия равнозначны. Поэтому как с теоретической, так и с практической стороны, одной из важнейших проблем является отношение к западной цивилизации, законы которой управляют теперь всем миром, в самом центре которой индейские народы США обнаруживают себя на рубеже XX – XXI столетий.

Представленный здесь материал – результат обобщения автором данной работы проблемных статей и осмысления подбора информации в традиционалистских изданиях исследуемого периода. Изложение традиционалистских концепций цивилизации и первобытной культуры человечества составлено на основе материалов индейской периодики.

Историософия.

Подходил к концу плейстоцен – эпоха великого оледенения и появления на свет первых представителей рода Номо. Новый вид людей – Номо Sapiens – быстро распространялся по всем материкам, вытесняя древнейшие человеческие виды. Представители его, предки современных рас, ещё не так сильно отличались друг от друга. Специализация (физиологическое приспособление к условиям окружающей среды) только началась.

Около сорока тысяч лет назад часть населявших Азию протомонголоидов ушла на Американский континент. «Хотя древнейшие датированные находки относятся в лучшем случае к рубежу плейстоцена и голоцена, археологи не сомневаются, что потенциально возможные более ранние памятники должны быть затоплены в ходе морской трансгрессии <...> со временем как в Азии, так и в Америке более выраженные монголоидные группы перекрыли этот древний субстрат» (3, 294-295). Однако его материальная и духовная культура, передаваясь из поколения в поколение, не претерпела значительных изменений вплоть до вторжения в Северную Америку европейцев. И в антропологическом плане современные индейцы гораздо ближе к протомонголоидам, чем народы Азии, продолжившие интенсивное развитие. Развивалась и европейская раса.

Однако долгое время как в западном, так и в восточном полушариях царил стабильность: различные представители рода человеческого, каждый в своей среде обитания, специализировались – достигли, наконец, гармонии с окружающей средой. Очередной рывок эволюции, отметивший появление нового существа, был завершён, она приостановилась.

«В природе виды имеют тенденцию оставаться неизменными на протяжении многих столетий (некоторые существующие теперь на земле организмы сохранились такими же, как и 500 млн. лет назад). Это означает, что за это время не произошло никаких изменений ни в генетической конституции популяции, ни в условиях окружающей среды» (1, 628).

Тысячелетия относительной стабильности – так называемая эпоха варварства человечества, низшая и средняя её ступени. Собиратель, охотник, затем пастух и земледelec, «варвар» живёт в гармонии с природой: земля и собственный труд дают ему всё необходимое для обеспечения существования. На протяжении веков численность населения практически остаётся неизменной.

Правда, в культурах западного и восточного полушарий наметились различия: «Средняя ступень варварства на востоке начинается с приручения животных, на западе – с возделывания растений, что ещё долго оставалось востоку неизвестным» (7, 26-27). Вероятно, именно это различие привело к формированию в Евразии преимущественно патриархальных, а в Америке – матриархальных отношений. различия в мироощущении, определяемые двумя этими укладами, возможно, сыграли роль в дальнейшем размежевании судеб народов обоих материков.

«Религия пастушеских культур обращалась к небесным богам, чьё внимание должно было, главным образом, фокусироваться на людских делах. Дух животного для пастуха приобретал всё меньшее и меньшее значение» (10, 1, 20). Однако какими бы значительными ни казались эти различия потом, пока ещё нет принципиальной разницы ни в уровне, ни в темпах материального развития.

«Менее всех других животных на земле способный к физиологической адаптации, человек разумный стал единственным видом, обладающим качественно новым инструментом приспособления. Культура обеспечила человеку выживание» (10, 1, 36). Если раньше организмы приспособлявали, главным образом, себя к среде, то человек получил возможность совершенствоваться по своим потребностям элементы окружающего мира. Однако цель осталась прежняя: выживание и стабилизация в природе.

Как только задача оказывалась выполнена, развитие полезного признака у животного прекращалось. То же происходило и с человеком: средства производства (средства воздействия на среду) долгое время оставались без изменения: их уровень обеспечивал благосостояние вида.

Чтобы вновь набрала темпы эволюция, должен нарушиться баланс – или в результате резкого изменения окружающей среды, или в результате значительных внезапных мутаций. Трудно теперь сказать, что нарушило равновесие в отдельных районах древней Евразии. Но как бы то ни было, группы представителей белой расы снова оказались вынуждены приводить в соответствие природу и самих себя, чтобы не исчезнуть с лица земли.

На каком-то этапе этого нового развития, видимо, равновесие было восстановлено, достигнуты оптимальные условия существования вида. Но тут произошло небывалое в истории человечества: эволюция не затормозила свой ход. Человеческий инструмент приспособления – способность к совершенствованию средств производства – не был отложен, средства производства продолжали развиваться, хотя в этом не было уже настоящей необходимости: вид был вне опасности.

Может быть, уровень техники, потребовавшийся в данном случае для выживания, оказался качественно иным, и отныне другие законы стали управлять человеком. А возможно, происшедшее служит примером того, что в биологии

называется ортогенез – «чрезмерное развитие в процессе эволюции какого-либо признака, имевшего сначала приспособительное значение» (1, 639), развитие, ведущее в итоге к плачевным для вида последствиям. Во всяком случае, отдельные группы европеоидов продолжали улучшать свои средства производства, что открыло в истории человечества новую эру – эру цивилизации.

«Высшая ступень варварства <...>, самостоятельно пройденная лишь в восточном полушарии, более богата успехами в области производства, чем все предыдущие ступени вместе взятые» (7, 28). «Но технология совершенствовалась для удовлетворения нужд не человека, а такой специфической формы человеческой организации, как цивилизация. Отныне люди постоянно будут подгонять своё общественное устройство под образец, диктуемый очередным этапом развития средств производства» (10, 1, 20).

Итак, преобразование мира сделалось самоцелью. Человек приобрёл возможность извлекать из окружающей среды по тем временам практически неограниченное количество продуктов. Это немедленно привело к увеличению численности населения и концентрации его на небольших пространствах. Концентрация же в свою очередь снова требовала расширения производства. Круг замкнулся.

Кроме того, расширение производства увеличило нагрузку, приходившуюся на каждого члена рода. Создалась необходимость разделения труда. «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей» (7, 18). «Легче было грабить, чем торговать, поэтому принялись захватывать чужие земли» (10, 1, 20). Война дала и другое сокровище – рабов, дешёвую силу, на которую можно переложить «излишки» ставшего для производителей чрезмерным труда.

Жизнь человека получила теперь конкретную цель: извлечь из природного мира максимум продуктов. Когда ныне вымерший ирландский олень не смог вовремя остановить увеличение размера своих рогов, хуже от этого было только ему. Когда человек не смог вовремя прекратить расширение своей деятельности, хуже от этого, естественно, стало природе: «в процессе концентрации населения районы эксплуатировались без учёта их материальных (экологических) возможностей. Технологии, создающие высокую концентрацию, неизбежно ставят под угрозу окружающую среду» (10, 1, 21).

Рано или поздно центры цивилизации начинают задыхаться. Их средствам производства недостаёт ресурсов, захватываются всё новые и новые области. Всё новые и новые народы выводятся из равновесия нарушением их среды обитания и вовлекаются в систему цивилизации. Вспыхивают новые её очаги. То, что не становится центром, превращается в ресурсопоставляющую провинцию.

Древние цивилизации распространялись по сравнительно ограниченными территориям. Западная цивилизация сегодня охватила всю планету. «Мировой город и провинция – основные понятия всякой цивилизации. Стать провинцией – судьба целых стран» (6, 97).

Раньше «люди распределяли между собой территории по добровольному соглашению. Две группы людей просто расходились в разные стороны, если не могли жить вместе» (10, 12, 29). Вся система древнего общества была направлена на избежание перенаселения. С наступлением же эпохи цивилизаций «децентрализация популяции стала восприниматься смертным грехом, проклятием всей культуре и её технологии» (10, 1, 20). «Народы осваивали новые земли не для того, чтобы позволить жить друг другу, а чтобы расширить границы империи, наращивая её

богатства. Парадокс состоял в том, что народы были вынуждены оставлять свои земли богатейшим нациям мира, не беднейшим, как было раньше, и только потому, что те хотели ещё большего могущества» (10, 9, 62). «С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным <...>, что это богатство стало непреодолимой силой <...> Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед собственным творением» (7, 206).

История знает немало примеров подъёма, расцвета и бесследного исчезновения различных цивилизаций с их самобытной культурой и высокоразвитой технологией, некоторые утраченные достижения которой остаются и по сей день загадкой для науки. Почему угасли древние цивилизации?

«Может быть, потому, что их средства производства стоили обществу дороже, чем оно могло заплатить?» (10, 1, 20). Исчерпаны все возможные на данном этапе ресурсы развития, и общество распадается, утратив единственный смысл своего существования. Таким образом, «каждая цивилизация с самого начала имеет тенденцию к разрушению вплоть до полного самоуничтожения» (10, 9, 30).

Однако, схожие типологически, цивилизации не повторяли друг друга: каждый последующий виток характеризовался всё более совершенными средствами производства, всё более широким распространением, всё более пагубным воздействием на среду.

Личность и общество. Кросскультурный анализ.

«История последних четырёх тысяч лет – история разрушения демократии первобытных обществ, которые уважали личность, и замены их обществами с классовой структурой и эксплуатацией» (10, 8, 8).

«Мы служим конкретным целям: донести до своего читателя то понимание и восприятие мира, которое едва не оказалось забытым представителями Запада и которое поэтому неизбежно выпало из поля зрения других печатных органов» (цит. по: 9, 207), – писала «Аквесане Ноутс».

Что представляет собой духовная сфера, человек эпохи цивилизации? В первобытном обществе люди зависели друг от друга и были абсолютно равноправны, так как носителем всей культуры был каждый её представитель. Абсолютно все материальные и духовные достижения общества были доступны каждому, различия определялись лишь индивидуальными возможностями человека.

Одно из противоречий развитого цивилизованного общества, разделённого на классы и профессиональные группы, в том, что при необыкновенно высоком уровне культуры в целом каждый член общества не только не может быть носителем её, но и лишён элементарных навыков, известных первобытному человеку.

Цивилизованный человек становится не полноправным представителем сообщества, а элементом сложнейшей экономической машины. Стоит выпасть из этой машины нескольким деталям, и она рассыплется вся. Дезорганизованные, нежизнеспособные толпы «цивилизованных людей» не в состоянии будут её восстановить.

Представители высокой цивилизации узко специализированы в новой искусственной социальной среде. Зависимость людей стала куда более сильной, чем в эпоху варварства, но теперь она скрыта: каждый человек не ощущает зависимости от соседа, а замечаемая жёсткая связь между количеством и качеством обтёсанных камней, к примеру, и пищей на столе носит абстрактный характер. Всё необыкновенно усложнилось, всё требует массы незримых посредников.

Система воспитания и образования этого общества направлена на подготовку специалистов. Гармоничное развитие личности невозможно, пока существует разделение труда. А разделение труда – неизбежное следствие чрезмерно высокого уровня средств производства, т.е. цивилизации.

«Когда мы почувствовали себя менее зависимыми друг от друга, тогда мы забыли и то, что зависим от окружающей среды. С этого момента пошёл процесс нашей дегуманизации и денатурализации. Мы вернёмся к изначальному состоянию социального здоровья, лишь когда меньше станем зависеть от средств производства» (12, 24).

Точно так же, как каждый представитель общества цивилизации не может и не должен владеть всей суммой накопленных цивилизацией знаний, каждый представитель общества не может и принимать участие в решении всех его дел. Каждый ирокез имел право наложить запрет на любое предприятие племени, во-первых, потому что племя всё-таки было сравнительно немногочисленно, а во-вторых, потому что признавалась компетентность каждого в решении любого вопроса.

В эпоху цивилизации ни о какой компетентности каждого не может идти речь. Кроме того, масса людей, объединённых одной экономической и политической системой, чудовищно велика. Настоящая демократия исключена в «цивилизованной империи» с многомиллионным населением, вовлечённым в единую структуру. Неизбежно выделяется класс управляющих той или иной формы.

В прежние же времена трудно было представить, чтобы даже «полмиллиона людей позволило объединить себя под единым центральным руководством <...> Впоследствии родовой строй был заменён государством» (7, 28, 195).

Свобода, равенство, братство, достоинство личности – вот неизменные идеалы цивилизованного общества, идеалы потому, что ни один из них не может уже иметь место в действительности. Поколения живут туманными мечтами о будущем или ностальгическим воспоминанием о «золотом веке». «Не имеет значения, что именно общество провозглашает своими ценностями, если фактически оно остаётся эксплуататорским» (10, 8, 9).

И всё-таки человек продолжает верить, что его вклад в наращивание средств производства не уносит его от времени, когда, сея свой хлеб сам, он был сыт и свободен, а каким-то образом приближает к утраченному раю. «Западных людей долго учили, что неестественно усложнённая, извращённая цивилизация настоящего времени – прогрессивна, несёт позитивные перемены и увенчается торжеством Разума» (10, 1, 36).

Тем временем каждый шаг цивилизации, каждое её достижение сопровождалось какой-нибудь потерей. «Тысячи лет назад человеческие проблемы касались выживания – как добыть достаточно пищи, как сохранить тепло, где найти воду. По прошествии нескольких тысячелетий развития западной технологии проблемы видоизменились: мы совершенствовали способы производства пищи, но она подрывает наше здоровье. Не каждому уже приходится думать, как бы согреться, но человечество встало перед проблемой нехватки энергетических ресурсов. Вода, которую мы пьём, отравлена предприятиями, работающими «для нашей пользы». Мы утоляем жажду, но воды не хватает нашему чудовищному производству» (10, 1, 36).

И самое главное: если раньше природа угрожала жизни индивида или отдельной популяции, то в ядерный век уже само человечество поставило под угрозу не только своё, но и существование целой планеты. Такой опасности первобытное общество не знало.

«Древние индейские традиции и законы признавали личные права, отстаивали свободу и независимость, учили каждого уважать и права других» (14, 16). В архаическом обществе все тесно связаны друг с другом, но каждый – самостоятелен, завершён, является воплощением целого, а не частью его, как в обществе цивилизации. Человек сознавал себя полномочным представителем природы и всего человечества – прошлого, настоящего и будущего. Этим и объяснялось непринуждённое достоинство, «царские манеры» коренных американцев, поражавшие европейцев при первых встречах.

На формирование такой личности была нацелена система воспитания. Именно воспитания, потому что образование считалось второстепенной задачей. Определённый набор умений должен быть передан юному человеку, что произойдёт неизбежно, ведь без них он не сможет существовать. Но сами по себе знания – ничто, если не попадают на почву определённого мироощущения.

Воспитанием занималась семья и всё общество с самого рождения ребёнка, у большинства племён не было для этого специальных заведений. И сегодня значительная часть индейцев уверена в порочности европейской системы: «Так много всего, что нужно узнать, а у нас не хватает времени, потому что дети – в школе, а мы – на работе» (10, 1, 10).

Основой воспитания было всё то же уважение и полное доверие к личности. Считалось, что ошибка исключена в том случае, если человек «делает то, что действительно хочет делать – всегда и в каждый конкретный момент» (11, 4). Хорошо подумав, человек поступит правильно, даже если со стороны так не будет казаться. Роль воспитателя заключалась в том, чтобы никаким принуждением не помешать самостоятельно думать, но предоставить в распоряжение воспитанника опыт – свой и всего народа. Опора на опыт и развитые многими поколениями традиции служила главной страховкой от ошибок.

Многие пороки цивилизованного общества и его членов – тщеславие, властолюбие, с одной стороны, алкоголизм и наркомания, с другой, – определяются господствующей на всех уровнях системой принуждения. Большинство ли меньшинством, или меньшинства большинством, в данном случае безразлично. А также неистребимым сознанием неполноценности человека в обществе, где, кем бы ни был – рабом или королём, он – только придаток, ограниченный функциональный элемент чего-то, что выше его понимания. Естественное человеческое стремление к самоутверждению приобретает уродливые формы или уводит от мира. А порой кончается быстрым или медленным самоубийством. «Человек не может уважать никакую форму жизни, если не уважает себя» (10, 11, 32).

С приходом европейцев в Америку прежде всего была подорвана экономическая база чувства собственного достоинства индейца – отняты земли, вырублены леса, истреблены животные, от которых зависела его жизнь. Индеец не мог уже вести прежний образ жизни, а чтобы хорошо приспособиться к диковинной системе пришельцев, нужно было время и время, и, кроме того, переоценка всех ценностей, тысячелетиями считавшихся незыблемыми.

В результате недавние носители высокой гуманистической культуры оказались на самом дне системы цивилизованного государства. Некогда наиболее самостоятельные представители человечества были приняты «под опеку», обречены на безделье (нежелание заниматься тем, что белые называли работой, было воспринято последними как природная лень краснокожего), медленно деградировали под воздействием политики инфантилизации и спаивания.

Время и путь.

До самого прихода европейцев в Северную Америку ничто не могло существенно нарушить экологического равновесия, установившегося там. Тысячелетняя стабильность, в которой пребывали индейские народы от заснеженной Аляски до плодородного юго-востока, определяла все стороны их жизни, формировала сознание, принципиально отличное от европейского.

Одной из первых особенностей, поразивших белых пришельцев, были необычные отношения аборигенов со временем: «Первобытный человек ничего не знает о нём!» (6, 101) Действительно, то, что мы называем «историческим восприятием», у индейцев отсутствовало. Казалось, эти люди считают себя вечными, им некуда торопиться.

Пока могущество племенных конфедераций (криков, ирокезов) ещё позволяло диктовать условия, индейцы никогда не спешили с заключением договоров, представлявшихся для белых жизненно важными. Встречи могли откладываться на год и на два, что породило среди белых легенды о неправдоподобной медлительности краснокожих.

У народов двух миров просто оказались слишком разные жизненные темпы, что определялось представлением о смысле существования. Европейцы идут по жизни от одной поставленной цели к другой, каждую минуту думая о будущем, пока на склоне лет вдруг не обнаружат, что все цели, достигнутые или нет, позади. И тогда помыслы устремляются в прошлое, каждая минута становится воспоминанием.

Своеобразной особенностью верующего в Разум и в технический прогресс человека является его историческое восприятие. «История цивилизаций продолжается всего несколько тысячелетий, в то время как первобытные культуры – очень древние» (10, 9, 96).

И тем не менее «для Западной Европы привычна схема: высокоразвитые культуры совершают свой бег вокруг нас, как вокруг мнимого центра всех мировых событий <...> А ведь «новое время» насчитывает столько же столетий, сколько «древность» тысячелетий <...> Европейцы представляют историю в виде ленточного червя, стараясь сообщить ей направление, которое точно выводит к позиции авторов. В результате тысячелетия измеряются понятиями гуманности, счастья большинства, экономической эволюции, научного мирозерцания и т.д. Когда стремления чуждых нам эпох под это не подходят, исследователи доказывают, что народы заблуждались или не умели достигнуть истины» (6, 71).

Лишённому стабильности, быстро эволюционирующему цивилизованному обществу непрерывно приходится многое менять – от предметов обихода до политических систем. Устаревшее совершенно выходит из употребления, но общество не хочет с ним расстаться. Мёртвым грузом для подавляющего большинства населения стоят памятники с высеченными на них именами усопших, библиотеки и музеи, в которых накоплены факты, интересные ограниченному кругу людей, факты, которым не суждено было бы сохраниться в народной памяти.

Мы любим всё хранить, невольно пытаемся компенсировать отсутствие реальных традиций, создавая, быть может, иллюзию постоянства, в котором, вероятно, нуждаемся бессознательно. В первобытном обществе всё было живым: многое функционировало десятками тысяч лет, а то, что всё-таки отживало, пропадало бесследно.

Сегодняшние белые граждане США историю страны ведут от появления своих предков на континенте и «празднуют 140-летие Сакраменто, не интересуясь тем, что сотни лет на его месте стояло крупное индейское поселение» (14, 15).

«Убить и увековечить» – словно этим девизом руководствовались те, кто, истребляя саму культуру коренных американцев, скупал и похищал их ритуальные принадлежности для этнографических коллекций. А ведь предметы, которые музеи Америки отказываются вернуть племенам, и теперь священны для индейцев.

Индеец живёт настоящим. Любой миг бытия исполнен для него самостоятельного значения. Ему ничего не надо «успеть сделать» в этой жизни, кроме исполнения самой жизни, кроме ежеминутной реализации самого себя в каждом слове и поступке.

Индеец, в отличие от белого, не чувствует своей конечности, временности на свете. Он не только знает, что в нём постоянно жива каждая из прожитых им минут, что он – то, чем каждая из них его сделала. Представитель архаической культуры ощущает себя воплощением всех, живших до него. Вечным индейца делает архетипическая интуиция социальной общности – с современниками, с предками и потомками.

Они все живут одной жизнью, они все делают или будут делать одни и те же дела, испытывать одни и те же чувства. В каждый момент они вместе и невозможны друг без друга. «Ты слышишь зов и откликаешься на него, думая, что ты – последний, к кому он обращён. Но вот уже вторят тебе. Обернувшись, ты видишь своего сына, за ним – его сына и так далее. И понимаешь, что каждый из вас – часть единой семьи» (10, 2, 10). Так объяснял старик смысл одного из танцев на индейском празднике в Оклахоме.

Для представителя архаической культуры нет линейности времени, линейности истории. Масса мифов и героических преданий, в которые превращаются факты жизни народа или отдельных людей, достойные запоминания, также живут в настоящем времени в сознании каждого. Они несут религиозное, философское, эмоциональное значение. Всё происходящее в легендах актуально для слушателя. Если же такое восприятие утрачивается, легенда умирает.

Первобытному человеку неведома страсть к сохранению всех деталей. Не обязательна и строгая достоверность: чем ярче личная печать сказителя, тем лучше. История должна жить реально в умах и сердцах людей. Чужда первобытному человеку и хронология: кому интересна историческая последовательность событий, ведь всё нигде не началось и никогда не кончится, от чего же к чему проводить прямую?! События ценны сами по себе как составная часть мира и развиваются по неизменным архетипическим законам – законам всякого творчества.

Жизнь человека, как и жизнь всего окружающего, заключена в систему переплетённых колец – больших и малых циклов. Цикличность, а не линейность – основа временного восприятия.

Материнское право и дипломатия.

Равенство полов в любом индейском обществе не значило отсутствия разделения труда между ними. А материнское право, распространённое среди большинства племён Северной Америки, вовсе не создало «царства амазонок». Ораторами, вождями могли быть и женщины, но, в основном, это всё-таки было занятием мужчин, более соответствующим именно их наклонностям и талантам.

Делом женщин было выдвигать кандидатуры на должности вождей, мнение матерей рода считалось самым авторитетным. Все эти преимущества были связаны не с долей женского труда в общественном производстве (если у ирокезов возделывание «нашей жизни» – кукурузы, тыквы, бобов – считалось женской работой, то у мускогов, живших главным образом за счёт земледелия, мужчины им занимались не в меньшей степени, хотя матриархат на юго-востоке был развит сильнее). Преимущества были связаны, скорее, с самим характером производства. Выйдя из первобытного равноправия, «наивысшего расцвета матриархат достигает у земледельческих народов, тем временем в западных пастушеских культурах женщинам отводятся весьма второстепенные роли» (10, 10, 137).

«Общественная функция индеанки сводилась к осуществлению нравственного (т.е. самого действенного в первобытном обществе) контроля над жизнью племени» (10, 7, 12). Чувство стабильности мира и острое восприятие цикличности бытия присуще всей индейской культуре. Женщина с её физическим и психическим складом казалась наиболее полным человеческим воплощением того и другого. Смысл жизни индейца составляло продолжение жизни и её непрекращающееся возрождение. Земля дарил людям пищу – женщина дарил людям бессмертие: детей племени, связующую нить с будущими поколениями. Женщина, творящая жизнь, как земля, как и Земля, хотела покоя, постоянства, мира. Мать воспитывала детей, мать владела домом, под которым покоились кости умерших членов рода.

Задачей мужчины была защита реальных воплощений своих ценностей. А защита неизбежно оказывалась связана с уничтожением – убийством человека или животного. Вынужденный убивать даже во имя жизни, мужчина не казался себе достаточно совершенным существом.

Впрочем, вся политическая активность народов была направлена на устранение противоречия между целями и средствами существования: «У всех людей есть свои потребности, все хотят благополучия своего народа, значит, все люди хотят мира. Пока мы помним это, мы сможем вести любые переговоры с позиций мира. Именно способность так мыслить сделала наших предков носителями того, что называется современным социализмом. Наши предки обладали практически всем, что известно миру относительно дипломатии» (10, 2, 19). «У индейцев есть собственная политическая история, оформившая мировоззрение племён» (8, 210).

Языческое мироощущение.

Идеологией кульминации технократии, по мнению традиционалистов, стало христианство, «рубеж между творением и гибелью мира» (6, 73). «Это первая религия, которая проповедовала, что языческие боги, духи лесов и гор – ненастоящие боги, что ручьи и реки на самом деле не заповедны, лишены сокровенного смысла. Так христианская церковь проложила дорогу образу мыслей, поощрявшему насилие над природой на благо человека» (10, 1, 21). Насилие, обернувшееся ему во вред.

Всегда наибольшим искажениям в интерпретации даже самых благожелательно настроенных европейцев подвергалась религия коренных американцев. Искажения были произвольны: так сильно отличалось западноевропейское христианское сознание от «натуральной религии» (или «природной веры»), что и слова, которыми приходилось передавать языческие понятия, утратив своё первоначальное значение, приобрели в языке негативный оттенок.

Основой религии индейцев было ощущение всеобщего единства, движения и постоянства в этом движении, бесконечности: «Смерти нет, есть только смена миров»

(5, 85). Все аборигены Северной Америки верили в Великого Духа – олицетворение созидательной силы.

«Большинство творений природы отдавалось под бдительное попечение какого-либо духа-покровителя. Но эти духи были смутно представляемыми существами. Их называли «невидимые помощники», лишь немногие имели особые имена или упоминались иначе как вместе <...> Духи никогда не являлись объектами культа. Индеец уберётся от глубочайшего из всех видов варварства – идолопоклонства» (4, 85, 89).

Если освободить приведённую цитату от невольного влияния «демоноборческой» христианской традиции, а также от представлений, внушённых греческой мифологией, можно обнаружить, что индейцы не столько населяли природу духами, сколько одухотворяли её саму.

«Мы уходим в Землю после смерти, мы едим зелень, произрастающую на ней. Телом мы неразрывно связаны с Землёй, вот почему мы – часть Земли, Люди Земли, её дети» (13, 8). Все, живущее на земле по естественным законам Великого Духа, – её дети, а значит, братья и сёстры между собой. Все, рождённые Землёй, должны помогать друг другу и своей общей матери.

До прихода белых индейцы не разводили скот и ещё долго потом удивлялись аморальности этого обычая – приручать животных и вероломно пожирать их потом. Но поселения индейцев, как отмечали первые европейцы, побывавшие там, были полны зверьём, свободно приходившим из леса подкармливаться у людей. С ними делились пищей так же, как и с любым двуногим пришельцем, ведь и они поставляли человеку средства к существованию.

Человек чувствовал себя не хозяином земли, а животных – не «младшими братьями» (высшая форма гуманности, доступная современному европейцу). Человек чувствовал себя младшим сыном Земли – тем, кем и был в действительности. Дар преобразования воспринимался не средством господства, а возможностью применить подмеченные у «старших братьев» навыки выживания. Человек сознавал себя учеником природы. И не преувеличивал своих творческих возможностей: «Звёзды и луна, солнце и земля, огонь, всё остальное – всё уже существует. Что ещё может создать человек? Всё уже есть!» (13, 8)

Коренному американцу развитие не представлялось максимальной эксплуатацией природных и человеческих ресурсов. Если «Восточное полушарие культивировало знание, Западное полушарие культивировало мудрость» (8, 198). Мудрость как комплекс истин, благодаря своей многовековой неизменности, сросшийся с религиозными представлениями и нравственными ценностями народа.

Многое из того, что знал о мироздании и о себе как о части его, человек выражал символами мелодии, танца, игры, геометрической формы. Всё это нашло своё отражение в культах различных народов.

Например, главным праздником годичного цикла мускогов (криков) был «буск», летний праздник урожая. Восемь дней буска знаменовали собой завершение одного цикла и начало нового. Человек полностью освобождал себя и своё жилище от старого: навсегда прощались преступления и обиды, кончались войны, сжигались вещи и остатки урожая прошлого года. Наконец, гасились все костры и возжигался новый огонь, символ очищения и обновления, который будет поддерживаться весь год до следующего праздника. Такого рода языческие праздники обновления известны едва ли ни всем народам мира.

Одежда и быт индейцев сильно отличались от европейских. Но это отличие вовсе не говорило о нищете аборигенов. Индейцы, жившие на территории

современных США, не только производили достаточно продуктов для удовлетворения своих нужд, но и имели значительные «излишки», щедро раздаривавшиеся гостям и подлежащие ритуальному уничтожению на праздниках вроде буска.

Тем не менее, пускать излишки в оборот, делая их средством обогащения, никому не приходило в голову. Таким образом, индейцы имели своеобразное изобилие, которое по сей день остаётся лишь мечтой «ненасытной европейской расы». Желание стабильности, того, чтобы всё оставалось, как есть, было единственной просьбой индейца. Культ коренных американцев был по преимуществу культом благодарения. И в этом его коренное отличие от христианского молитвенного культа. Интуитивное чувство благодарности природе за её дары руководило одними, страх и непрестанные желания – другими.

При переходе от стабильных первобытных культур к зарождению цивилизации у каждого народа наблюдается странное извращение обрядов. Культ как выражение непосредственных чувств заменяется культом-заклятием. Смысл обрядов обновляется быстрее, чем их форма. Канонизируясь, форма усложняется. Система церемоний кажется противоестественной, обильные и кровавые жертвоприношения призваны умиловить потусторонние силы. Теперь те противостоят человеку.

В неудержимом развитии человек перестаёт чувствовать себя сыном природы, теперь он раб её и враг, а хочет стать властелином. Пока же не достигнуто господство, приходится создавать своих, только человеческих, покровителей и их молить о помощи. Да, религия родилась из страха, но только тогда, когда «люди оставили веру в Бога как способ жизни» (10, 1, 21).

Ещё одним аспектом религии индейцев, если называть религией естественное духовное состояние человека, была «мистика». Каждый человек с рождения жил в мире, который непрерывно создавался на его глазах. Таинственная и могучая сила выталкивала из земли зелёные ростки, с той же непостижимой и непреклонной силой земля навеки поглощала всё отжившее. Эта сила земли была единой для всего сущего, почиталась в стебле травы точно так же, как и в человеке, принималась от растения или животного с благодарностью. То была «мистика жизни».

Точно так же человек становился свидетелем и участником создания рукотворного мира. Жилище, одежда, предметы быта – всё это было одухотворено для индейца, потому что каждая вещь, сделанная руками его или его близких, являлась как бы материализовавшимся временем работы, хранила мысли, чувства, слова своего создателя, была частицей его самого и поэтому талисманом для того, кому предназначалась. Это была «мистика труда».

Заменив природную среду средой рукотворной, цивилизация практически истребила в человеке всякое сознание одухотворённости окружающего. Доведённое до совершенства (или абсурда?) разделение труда убивает в человеке целостное восприятие своего произведения. Вещь делается массой людей для массы. Интересно, что именно в архаическом обществе такое понятие отсутствовало, там было слово «человек».

Религиозно-культурная миссия традиционализма.

Всё-таки народ выжил. Не только физически, но и духовно, ощутив ответственность своей особой миссии в современном мире: «Наша работа уникальна, потому что мы видим себя не как одно из национальных меньшинств, справляющихся с проблемами ассимиляции в «мэйнстрим». Мы – последние представители природного мира в человеческом обществе» (10, 1, 36). «Наши предки не знали, что

значит «продать землю», земля была священна и принадлежала всему живому. «Иметь участок земли» звучало таким же абсурдом, как теперь «иметь участок неба». Индейский народ знает: мы не владельцы этого континента, мы его хранители. И нужно, чтобы каждый проникся таким сознанием» (11, 4).

Принятие на себя индейцами столь важной миссии не свидетельствует об излишнем самомнении – реакции на длительный геноцид и внушавшийся комплекс национальной неполноценности. Когда-то у всех народов мира была одна судьба, единый образ жизни. Разные народы в разное время были вынуждены отказаться от него в пользу цивилизации.

Индейцам США посчастливилось не только одними из последних утратить архаическую стабильность, но в силу различных причин, как внешних, так и внутренних, сохранить в относительной неприкосновенности мировоззренческие установки прежней эпохи. Коренные американцы оказались живыми носителями древней культуры сегодня, в критический момент для всего человечества.

«Ни одна культура не вольна избирать путь и характер своей философии, но теперь первый раз культура может предвидеть, какой путь избрала для неё судьба» (6, 90). Именно на это уповают индейцы и выразитель их точки зрения – печать коренных американцев.

Мир снова объединён и стоит на пороге либо глобальных перемен, либо тотальной катастрофы. Перед лицом опасности равны все нации и расы. «Ни добро, ни зло не имеет цвета. Каждый может стать «индейцем» в своём сердце. Наша борьба – всеобщая, она ведётся во имя будущих поколений человечества. Люди нуждаются в совместной работе над общей проблемой» (10, 1, 8).

Единственный путь преодоления кризиса западной цивилизации, охватившей весь мир, – обратиться к древним принципам существования. Сегодня человечеству предоставлена неповторимая возможность проверить, на что в действительности годится его Разум, сможет ли оно предотвратить беду и в сложившейся экстремальной ситуации сознательно вернуться к тем простым истинам бытия, память о которых лучше всех удалось сохранить так называемым аборигенным народам мира.

«Однажды цивилизация, построенная на вере человека в способность контролировать жизнь, рухнет. Человек обнаружит, что ошибался относительно своей богоизбранности, а другой веры не окажется. Если теперь для человека не существует ни солнца, ни неба, а только он сам, что же произойдёт с ним тогда?! Мы должны постараться помочь белому человеку спастись от самого себя» (10, 10, 11).

В своё время ирокезы предложили объединиться в мирный союз индейцам, сегодня пришла пора вспомнить, что «когда появились четыре белых корня мира, они простёрлись на весь свет. Мы предлагаем сосредоточить усилия на воскрешении естественной социальной общности людей, на отказе от эксплуатации земли, её недр, животных и людей, на создании способа производства, не разрушающего среду. Всех приглашаем включиться в эту работу» (10, 11, 19).

Выдвинув такое предложение, индейские органы печати с интересом относятся к деятельности любых сил, чьи устремления в той или иной степени совпадают с их собственными.

Итак, философско-мировоззренческую позицию традиционалистской печати определяет, прежде всего, концепция противопоставления архаической культуры человечества развитию цивилизации.

В общих чертах точка зрения индейцев-традиционалистов такова:

Основное отличие человека от прочих живых существ – преобладание способности изменять окружающую среду над способностью самому адаптироваться к ней. Цивилизация – следствие болезненной гипертрофии этого свойства, возникавшей в разное время у разных народов под воздействием определённых внешних и внутренних факторов. Каждый раз эта гипертрофия видового признака приводила к резкому нарушению равновесия с окружающей средой и угасанию цивилизации.

Среди признаков нарастающего кризиса – следующие:

- 1) экологический кризис (прежде имевший местное значение, в условиях западноевропейской цивилизации – планетарный);
- 2) возникновение новых проблем выживания вследствие решения прежних;
- 3) уничтожение естественной демократии;
- 4) парадокс во взаимосвязях членов общества: укрепляясь, они приобретают латентный характер; подневольность и разобщённость – характеристики деятельности;
- 5) элитарность знания;
- 6) разделение труда и, как неизбежное следствие этого, невозможность гармоничного развития личности;
- 7) утрата ощущения одухотворённости мира и общественной жизни;
- 8) как следствие предыдущего – возникновение антропоморфизма и христианства, его кульминации;
- 9) «человекобожество», порочность концепции истории, нетерпимость к иным культурам.

В качестве альтернативы цивилизации индейцы-традиционалисты выдвигают *принципы архаической культуры человечества:*

- 1) гармония с окружающей средой; человек – не господин, а ученик природы;
- 2) экономическая стабильность как следствие стабильности потребностей;
- 3) истинная демократия, политическая компетентность и влияние каждого члена общества;
- 4) духовность общественной жизни, матриархат как одно из её условий;
- 5) «вечность» вместо времени, цикличность вместо линейности бытия;
- 6) бессмертие индивидуума как осознание социальной общности вне времени;
- 7) «энциклопедический» подход к образованию;
- 8) восприятие тождества бога и мироздания, языческие формы религиозности;
- 9) свобода и достоинство личности как цель воспитания.

Признавая необратимость истории, традиционалисты видят эти принципы методом преобразования сегодняшнего мира в мир будущий, сочетающий достижения цивилизации с духовностью архаической культуры. Себя коренные американцы

воспринимают хранителями её. Миссию своего народа видят в воскрешении этих некогда общих принципов в сознании всего человечества.

Пропаганда традиционализма. Деятельность «Аквесасне Ноутс».

«Аквесасне Ноутс» – единственная в настоящее время общенациональная газета коренных американцев. Это значит, что в сфере её внимания – события, происходящие по всей стране, проблемы, актуальные для всех племён. То, что «Аквесасне Ноутс» успешно справляется с функциями общенациональной газеты, доказывает величина её тиража (более 90 тысяч экземпляров), в несколько раз превосходящего тираж любого другого индейского издания, а также наличие подписчиков по всем США и за их пределами.

Общенациональная индейская газета видит свою задачу и в освещении зарубежных событий, в первую очередь, касающихся жизни аборигенных народов, печатает постоянные отчёты о работе Комиссии ООН по делам аборигенных популяций. В 1989 г. «Аквесасне Ноутс» опубликовала текст обращения Папы Римского «Созидайте мир, уважайте меньшинства», где Папа призывает уважать также и религиозную свободу выбора аборигенов. Издание информирует о замораживании Всемирным банком миллионов дотаций Бразилии на строительство ГЭС, против которого выступали в ООН вожди племени, территория которого подлежала затоплению водохранилищем.

Вместе с тем «Аквесасне Ноутс» – ведущее традиционалистское издание, наиболее полно и качественно представляющее идеологию движения. Направление газеты во многом определяет её популярность.

Все публикации «Аквесасне Ноутс» объединены одной целью, взаимосвязаны. Что бы ни составляло предмет публикации, его осмысление происходит по одному канону: равнение на «золотой век», оставшийся в прошлом, но должный быть достигнутым, на ином уже уровне, в будущем. Конкретные проблемы решаются в ключе общего представления о цивилизации, об общечеловеческих ценностях и собственном предназначении в мире индейских народов. Таким образом, трудно определить границы проблематики тех или иных газетных материалов, однако чётко **выделяются две тематические группы публикаций.**

К первой группе относятся материалы, имеющие целью непосредственное просвещение в области традиционного мировоззрения.

«Это было давным-давно. В глухую зимнюю пору мохауки собирались вместе в длинных домах, у огня, среди бескрайних заснеженных лесов. И наступало время слушать по вечерам старинные предания и свежие вести, переносимые от деревни к деревне странствующими сказителями – хранителями народной истории и мудрости. Здесь, в «Аквесасне Ноутс», мы хотели бы надеяться, что являемся малой частью той древней традиции» (10, 7, 2).

Так представляют читателю свою деятельность авторы газеты, вписывая и самих себя в традиционный строй мироздания. Не беда, что их предки времён «золотого века» ни письменности, ни общенациональных газет не знали: «если мы не рядимся в пальмовые листья, это ещё не значит, что мы перестали быть чоморроу» (10, 6, 32), как сказала на Пятом международном фестивале искусств Океании представительница этого племени.

В конце XX в. газета продолжает исповедовать принципы «романтической экологии», проповедовать основы социальной, экономической (эксплуатация только воспроизводимых природных ресурсов со скоростью, не превышающей скорость воспроизводства), духовной культуры индейских народов. Как в статьях, так и в информационных материалах.

Информационные материалы посвящены чтению заветов пророка Прекрасное Озеро в Длинном доме Аквесасне, организованному Советом мохауков, работе школы языков и традиций Шести наций. Школа приглашает как индейцев, так и белых приобщиться к триединству языка, культуры и образа жизни ирокезов на её занятиях. Занятия проходят не за партой, по большей части, а на лоне природы, в музее резервации Аквесасне, в гостях у хранителей живых традиций.

Внимание авторов издания привлекает и «маленький бизнес» двух братьев-индейцев: их новая игра «Шаман» обещает не только принести доход создателям, но и способствовать просвещению белых относительно индейских истории и культуры.

Мичиганский межплеменной совет подвёл итоги осуществления программы по развитию системы психологических служб, по расширению возможности домашнего образования для индейцев. Редакция «Ноутс» спешит отметить этот факт как положительное явление, направленное на сохранение семьи в качестве механизма сохранения народа индейцев. Ведь традиционное их общество представляло собой «круг, где все равны и взаимосвязаны, которое само являлось большой семьёй, в отличие от иерархического европейского общества, в котором семья теперь – ничто» (10, 7, 8).

Рассказывая о народных приметах, связанных с ожиданием ребёнка, вождь-традиционалист говорит: «Можно верить или не верить в них. Во всяком случае, нельзя отрицать, что следование приметам – способ эмоционально показать ещё не рождённому младенцу, что родители его любят и ждут. А это необходимо, ведь появление новой жизни – безразлично, человеческой или чьей-нибудь ещё – величайшее на земле чудо и величайший дар Творца» (10, 7, 25).

Другая часть публикаций, пропагандирующих мировоззрение предков современных индейцев, направлена на восстановление чувства собственного достоинства народа и показывает вклад его в достижение сегодняшнего уровня цивилизации, будь то материальная лепта, Великий Закон Лиги ирокезов, послуживший, по мнению мохауков, образцом создания Конституции США, или влияние традиций индейских племён на формирование взглядов первых феминисток. Ведь «сегодняшний мир подобен большому котлу, ни один народ не имеет права говорить, что это его цивилизация. Каждый внёс что-то своё, чтобы мир был таким, каков он теперь» (10, 6, 24).

Не обошло авторов «Аквесасне Ноутс» и увлечение, свойственное не только индейским народам, – отыскивать в своих легендах пророчества, а в современном мире – вестники предсказанного Апокалипсиса. «Рыба в реках переведётся, иссякнут земляника и кленовый сок, яд вместо молока будут пить дети из материнской груди. Гигантская паучиха придёт и оплетёт весь мир своей паутиной, в зловонную свалку превратятся цветущие луга» (10, 4, 15). Всё это авторы статей богато иллюстрируют снимками мёртвой рыбы на речной гальке, дымящихся труб предприятий, линий электропередачи с вышками-паучихами.

Впрочем, пророчества Прекрасного Озера оставляют возможность предотвратить Конец Света: решающее время для этого настанет при жизни седьмого грядущего поколения ирокезов, на которое ляжет великая ответственность.

Сегодняшние дети и подростки как раз и являются тем самым седьмым поколением. Это обстоятельство постоянно обыгрывается в материалах «Аквесасне Ноутс».

Ещё одним поводом для пропаганды традиционного индейского мировоззрения стала проблема перемещения нескольких тысяч традиционалистов-навахо с их земли в Биг Маунтин. Эта проблема возникла ещё в начале 70-х годов, но вновь актуализировалась в 1988 г. (почему – речь впереди). «Отношение к родной земле как религия, в которой храм – человеческое жилище, а сама повседневная жизнь – непрерывное священнодействие» (10, 4, 8), было некогда свойственно всем народам, и не только американским. «В нашем языке нет даже слова, обозначающего бы переселение с этой земли. Уйти с земли священных гор передаётся как «кануть», «исчезнуть»» (10, 4, 9).

Образ Земли-матери, упокоительницы праха человеческих детей своих, используется авторами «Аквесасне Ноутс» и при проведении кампании протеста против осквернения древних индейских захоронений – безразлично кем, любителями или профессионалами археологами. Культура индейцев едина, могилы их далёких предков ничем не отличаются от могил отцов. И если белым нравится выставлять в музеях кости своих предков, пусть ищут их в Европе, оставив в мире покойников-индейцев.

Наконец, с точки зрения традиционного мировоззрения «Аквесасне Ноутс» информирует своих читателей о текущих событиях в резервациях ирокезов, имеющих и общеиндейское значение. Выражая мнение большинства своего народа, редакторы газеты категорически отрицают развитие игорного бизнеса как перспективу экономической деятельности индейцев среди прочих причин ещё и потому, что «аморально получение доходов без работы, не в правилах наших предков» (10, 6, 23).

С удовлетворением газета рассказывает о результатах референдума в Аквесасне, не позволивших установить на её территории игральные автоматы, о закрытии бинго-холла и лишении его владельца ирокезского гражданства.

Порокам и дурным привычкам, перенятым от неиндейцев, мохауки пытаются противопоставить некогда всемогущую силу общественного мнения, публикуя программу Совета вождей, направленную на борьбу с потреблением и продажей наркотиков на территории резервации. Противостоят им и обновлённые традиции: «Ноутс» поместила на странице читательских писем рассказ о ночном 20-мильном походе – с весельем, танцами, заходом в гостеприимные дома сограждан, которым группа индейцев и белых ознаменовала наступление нового года: «Ничего ведь нет весёлого в том, чтобы сидеть под Новый Год по домам, пить и колоться» (10, 7, 29).

Во вторую тематическую группу публикаций «Аквесасне Ноутс» можно выделить материалы, освещающие взаимоотношения белого и индейского миров на современном этапе.

Конфронтация.

1. По поводу ущемления договорных прав на охоту и рыбную ловлю. Людей стало много, рыбы мало. На индейские права покушаются не только белые рыболовы, но уже и природоохранные организации, на что индейцы отвечают, что на своей территории будут охранять природу сами. И не белым, доведшим землю до такого состояния, указывать, и не индейцам за грехи белых расплачиваться утратой своих традиционных занятий.

2. По поводу заключения в тюрьмы по сфабрикованным обвинениям политических лидеров ДАИ и прочих невинно осуждённых индейцев. По поводу нарушения свободы отправления религиозных обрядов, гарантированной по закону

индейцам-заключённым. По поводу необъяснимо высокого процента смертных приговоров по делам обвиняемых-индейцев в неиндейских судах.

3. Антииндейские организации, типа «Белая арийская раса», «Приказ», «Дак Клуб» и прочие, возникшие ещё в 60-е годы, к концу века снова воспрянули и оживили свою политическую деятельность по лишению индейцев земельных прав, всяких проявлений суверенитета и национального самосознания. В некоторых штатах дело доходит до террористических актов в традициях «ККК», как, например, убийство индейца, реального претендента на должность судьи в округе Северной Каролины, где индейцы составляют 32% населения. Соперник убитого – рекордсмен Книги Гиннеса по количеству вынесенных им смертных приговоров.

Информация о деятельности антииндейских организаций в различных частях страны, об их социальном составе, образовательном уровне активистов и тому подобном содержится в публикациях «Аквесасне Ноутс».

4. Среди причин, по которым мохауки считают невозможным развитие индейцами игорного бизнеса, – то, что доход от них зачастую поступает не в общинные фонды, а в руки белых, действующих через подставные лица.

5. Американским правоохранительным органам индейское правосудие представляется чересчур мягким, что постоянно приводит к их вмешательству в дела индейских судов и полиции.

6. Причиной раздора, также подмеченной авторами «Аквесасне Ноутс», служит и стойкость негативных стереотипов индейца в представлении белого большинства страны.

7. Всё это вызывает ответную реакцию со стороны индейских народов и выливается в настойчивое подчёркивание своего суверенитета, нарушения которого воспринимаются крайне болезненно.

Проблема, в 1968 г. вызвавшая к жизни «Аквесасне Ноутс», не снята до сих пор и сводится к тому, что некоторые ирокезы, пользуясь своим правом свободного пересечения границы с Канадой, занимаются контрабандой и спекуляцией. Канадская полиция и таможенные службы, пытаясь это пресечь, то ограничивают перемещение, то устраивают облавы в приграничных резервациях.

Ирокезское руководство и общественность, осуждая нарушителей закона, в то же время протестуют против грубого попрания Канадой прав суверенного государства Шести наций. Они намерены бороться с нарушителями силами «собственной полиции суверенного государства» (в количестве десяти человек) на территории нации мохауков.

Конфликт вот уже почти 35 лет порождает периодические демонстрации индейцев, обращения их Советов к правительствам США и Канады, блокады международного моста. Периодически направляются протесты в адрес Президента по поводу взимания таможенных пошлин с независимых ирокезов и обложения подоходным налогом в Федеральный бюджет их общинных предприятий.

Куда более трагично складывается ситуация с канадским ирокезским обществом «Воинов», признающим использование в этой борьбе вооружённых методов. Осуждаемая официальным правительством ирокезов, деятельность общества уже привела к новой ирокезской войне летом 1990 г. Это была уже не первая попытка провести «деколониацию индейских земель путём объявления независимых государств на территории Канады» (10, 7, 21). Кри и хайда уже заявляли о своём отделении от Канады, но правительство не удостоило внимания «новые государства».

Понимание и сотрудничество.

Уже несколько столетий индейцы и потомки европейцев сосуществуют на одной земле. И, как ни драматична история этого сосуществования, она не могла не научить и тех, и других толерантности в отношении друг к другу. В современном мире нужно искать взаимопонимание. Примеры его редакторы «Аквесасне Ноутс» предлагают среди текущих новостей, в подборках писем читателей.

Когда-то, на заре соприкосновения двух миров, члены могучей Конфедерации криков доводили до бешенства европейцев тем, что считали ниже своего достоинства вступать в какие бы то ни было переговоры с пришельцами. Удивительно, что у некоторых потомков тех криков старая тактика «отношений» с белыми, подкреплённая всеми обидами минувших столетий, дожила до сего дня.

Издание опубликовало письмо молодого индейца из Флориды: «Ни дед мой, ни отец за редкими исключениями с белыми не разговаривали. Что делать мне, я не знаю. Неужели, как вы утверждаете, ради спасения нашей матери-Земли мы, действительно, должны теперь не только говорить с белыми, но и приобщать их к нашей религии, к знаниям, данным нашему народу Творцом?» – «Дело выбора каждого» (10, 4, 31), – отвечает «Ноутс», но авторы традиционалистского издания на самом деле так считают.

И не одни они: большинство индейцев, наученные горьким опытом, поняли, что силой добиться уважения своих прав и культуры невозможно, невозможна в сегодняшнем мире и изоляция, поэтому: «Сегодня я рассказываю о том, что всегда считалось «не для белых ушей», о том, что священно для нашего народа, ведь объяснить белым принципы нашей культуры – единственный теперь способ сохранить её» (10, 4, 9), – говорит старушка навахо.

И эта новая тактика, проповедуемая общенациональной индейской прессой, даёт свои плоды. Несмотря на некоторое опасение быть, в свою очередь, изгнанными с насиженных мест индейцами, потомки завоевателей, в общем, с пониманием восприняли недавнее решение вернуть коренным американцам незаконно отнятую у них территорию резервации Белая Земля, на которой неиндейское население составляет теперь 70%.

Против «осквернения индейских могил» выступают теперь не только сами индейцы, но и многие белые. «Ноутс» поместила среди читательских писем заявление белого американца, возмущённого выступлением вождя-сиу, огульно обвинившего всех белых, несмотря на то, что именно белые организовали широкую волну демонстраций протеста после того, как факты «осквернения могил» были обнаружены.

Под влиянием в равной степени индейской и «белой» общественности в последние десятилетия наметилась тенденция возвращения музеями страны в индейские общины предметов, имеющих священный смысл для коренных американцев. Так, в Оклахоме были отданы для перезахоронения останки людей, изъятые из древних курганов при раскопках. Музей американского индейца в Нью-Йорке вернул ирокезам шнурки вампум, имеющие для индейцев религиозное и историческое значение. Они были украдены у племени ещё в 1893 г.

Весьма отрадны и первые проблески понимания специфики культуры племенных народов на правительственном уровне. Как бы в одной точке соприкосновения встретились два совершенно разных мировоззрения, проделав путь до неё с противоположных сторон – в направлении сохранения естественного мировосприятия одно, в направлении развития демократии другое. Блистательным примером тому стало выигранное дело о перемещении навахо.

Пять тысяч традиционалистов навахо отказывались покидать свои исконные земли в Биг Маунтин – священных для народа горах. Утратить родную землю – объект религиозного поклонения народа – значило бы лишиться возможности исповедовать свою религию. Дело слушалось в Конгрессе США и было выиграно на таком «романтическом» основании, закреплённом, однако, поправкой 1978 г. к Конституции США о свободе исповедания индейских религий.

Как следствие этого были отменены правительственные проекты экономического освоения данной территории, из-за которых и было затеяно переселение навахов. Прецедент состоялся, несмотря на то, что к этой победе индейцы шли 15 лет, что в это же время в Калифорнии, например, было отказано в иске двум индейским племенам, столкнувшимся с аналогичной проблемой.

В числе подобных явлений – и юридическая отмена Конгрессом Акта 1953 г. о терминатии, в результате чего многим племенам были возвращены земли их резерваций. На этом же юридическом основании появилось несколько новых резерваций и племён, имеющих официальный статус. Обо всём этом «Аквесасне Ноутс» спешила оповестить своих читателей.

Однако политика установления взаимопонимания с «белым» миром, пропаганда индейской культуры, последовательно, вот уже несколько десятилетий проводимые, в частности, «Аквесасне Ноутс», имеют и свои негативные последствия: с конца 70-х годов в США, Канаде, в некоторых странах Европы установилась мода на индейцев.

Пока дело касалось причёсок, стиля одежды, индейской символики, отыскания в своём роду индейских кровей, всё было ничего. Но в последние годы участились случаи истребления редких птиц и животных теми, кто изготовлением подделок под индейские культовые принадлежности поспешил насытить спрос любителей-индеанистов. Немцы, австрийцы пишут в «Аквесасне Ноутс» о повальном увлечении в их странах индейским шаманизмом, распространяемым теми, кто ничего общего не имеет ни с культурой коренных американцев, ни с реальной борьбой за их права.

Обогащение дельцов на пристрастии европейцев к мистике чревато не только искажением представления об индейцах. Те германцы, в чьей памяти ещё свежи воспоминания о фашизме, отмечают с тревогой, что такой же взлёт увлечения оккультизмом наблюдался накануне прихода к власти Гитлера. «Недопустимо где бы то ни было распространение религиозной проституции» (10, 12, 4), – пишет по этому поводу «Аквесасне Ноутс».

Традиционализм как альтернативная концепция глобализации.

Традиционалисты не страдают национализмом, постоянно подчёркивая приверженность к культуре своих предков именно как к *одной из форм* первобытной культуры, единой для всего человечества. Стремясь к возрождению культуры единой, но не унифицированной, традиционалисты приветствуют попытки воссоздания её другими народами не на индейской, а на собственной национальной почве. На почве недавнего или уже забытого языческого прошлого каждого народа. Архетипическая природа языческих верований и мироощущения – единая основа для переосмысления духовности архаических культур.

Традиционализм – пожалуй, единственное современное движение, реабилитирующее давнее прошлое человечества. Оно длилось тысячелетиями и затем, с изменением экономических условий, было вытравлено государством и церковью – выжжено на кострах европейской инквизиции, выкорчевано вместе со священными рощами славян. Воспринимаемое массовым сознанием как время

дикости, варварства и нищеты, прошлое это, несомненно, имело свои преимущества. Заслуга традиционалистов – в извлечении их из забвения.

Говоря о самой архаической культуре, традиционалисты представляют её неким эталоном экономических, общественных и межличностных отношений, допуская, конечно, определённую идеализацию. Так, ирокезская идея четырёх белых корней мира, простершихся на весь свет, почерпнута из эпоса и была символом мирного союза шести наций. Теперь ирокезы видят её символом установления мира на всей планете, своих предков воспринимают великими миротворцами, а себя – преемниками их миссии.

Между тем известно, что, действительно, стремясь к союзу с соседними племенами и гарантируя в нём почти полное равноправие, ирокезы действовали жёсткими методами, не слишком уважая чужую свободу выбора. Как и Конфедерация криков, Союз Шести наций много, успешно воевал, в том числе и после появления европейцев на континенте. Так что порой добровольно присоединявшиеся к ним просто решали таким образом вопрос «жизнь или смерть». Подобные факты сегодняшние ирокезы предпочитают не вспоминать.

Идеализация, переосмысление прошлого традиционалистами возносит его на высоту, наводящую на мысль о религиозной природе (не экономической, не политической) этого идеала. Действительно, традиционализм, с его вниманием к духовности и не слишком убедительными экономическими программами, – явление в значительной степени религиозное (особенно если религию понимать язычески – неотделимой от образа жизни). Недаром среди лидеров традиционализма так много шаманов – активных участников ДАИ и постоянных авторов традиционалистской прессы.

Слова «шаман», «ведун», «знахарь» приобрели в нашем языке негативный оттенок, стойко ассоциируясь для многих с мракобесием или шарлатанством. Между тем и того и другого в них не больше, чем в слове «священник», ещё не успевшем этот оттенок приобрести. Истинные шаманы, не играющие на оккультных пристрастиях религиозно невежественной публики, являются духовными лидерами народа, хранителями его мудрости, собственным вкладом поддерживающие древние традиции. Индейские шаманы – не каста, не тайное общество: действует принцип всеобщего священства, выдвигаются наиболее одарённые.

Среди них – Уоллес Чёрный Лось, сиу, Филипп Дири, крик, советник ДАИ, Сакоквенонквас (Том Портер), мохаук, вождь традиционалистской общины. Интервью с ними, их собственные материалы-проповеди, опубликованные в индейской печати, разрабатывают важнейшие духовный и религиозный аспекты традиционализма.

Являясь религиозным движением, традиционализм, однако, не тождественен язычеству, поскольку действительным, не романтическим, язычником может быть лишь тот, кто имеет возможность вести традиционный образ жизни. Язычество и определённый образ жизни – нераздельные понятия. Традиционалист – тот, кто стремится быть язычником, т.е. как необходимое условие стремится восстановить хотя бы подобие традиционного уклада. Именно отсюда и проистекает политическая активность движения.

Принимать её или экологическую работу, т.е. прикладные проявления традиционализма, и отвергать как утопию идеологию движения бессмысленно, поскольку речь идёт, действительно, о религии. Поиск только практического выхода в работе традиционалистов означал бы такое же упрощение, как восприятие христианских заповедей основой уголовного кодекса.

Об утопичности восстановления архаической культуры можно рассуждать не с большим правом, чем об утопичности установления Царства Божьего. Практическая ценность этих идей – в их нравственной ценности и способности стать альтернативной основой глобализации. Признание же достижимости земного рая предполагает разработку реальных, политических и экономических, программ.

Поэтому и создание традиционалистских общин – не детская забава и не акт отчаяния. Люди собираются вместе, живут общиной, стараются обеспечивать себя сами, отправляют языческие обряды благодарения – солнцу и урожаю – за то, что по-прежнему всходят, луне – за то, что по-прежнему рождается всё живое. Они растят детей и открыты для всех, кто хочет приобщиться простоты и мудрости.

Такие общины существуют по всем США (в том числе в резервации, где издаётся «Аквесасне Ноутс») и за их пределами. Одной из наиболее известных стал созданный в 1981 г. лагерь Жёлтый Гром в Южной Дакоте. Его руководитель Рассел Минс – сиу, активист ДАИ. Помимо культовой и воспитательной деятельности в традиционалистском духе, общинники заняты юридической борьбой за возвращение земель сиу, внедрением на своей территории экологически чистых источников энергии. Таким образом, что вообще свойственно ДАИ, сочетают духовную деятельность с чисто практической.

Когда была предпринята попытка ликвидировать лагерь, на его сторону встали не только традиционалистская печать, организации коренных американцев, но и неиндейские экологические движения, «Гринпис». Жизнь лагеря – постоянно в сфере внимания «Аквесасне Ноутс», таких известных индейских публицистов, как Вайн Делория.

Удивительную атмосферу мира и братства, царящую в традиционалистских общинах, отмечают многие, побывавшие в них. Просветление, которое испытывают в этой атмосфере гости, сродни воздействию монастырей на паломников-христиан. Им и определяется основное значение традиционалистских общин вне зависимости от того, является или нет их существование залогом общинного будущего воссоединённого человечества.

Таким образом, истинность идей традиционализма не подлежит ни доказательству, ни опровержению (одним приятно считать себя детьми Земли и Солнца, другие равнодушны к подобному родству). Восприятие традиционализма, как восприятие всякого религиозного явления, определяется субъективно, степенью интуитивной приверженности. Значение же его, находясь не столько в практической, сколько в области нравственной, оценивается количеством сторонников.

Доказательством того, что индейский традиционализм не является лишь национальным явлением, – распространение его идей среди белых американцев, белых австралийцев, в Западной Европе и в нашей стране.

Основа создания неиндейских традиционалистских движений и общин – признание факта, что архаическая духовная культура – культура общечеловеческая, культура общих предков современного человечества. Однако, поскольку европейскими народами эта культура уже в значительной степени утрачена, признаётся рациональным воссоздание её с использованием живых элементов аборигенных культур.

Если для индейцев традиционализм – противодействие ассимиляции, европейцы могут себе позволить добровольную культурную «прививку». Часть белых больше увлекается культовой стороной традиционализма (или внешней атрибутикой), что не приветствуется самими индейцами. Часть действительно разделяет традиционное мировоззрение.

В США, помимо белых американцев, примыкающих непосредственно к индейским общинам, существуют «белые» организации, поддерживающие их и сочувствующие взглядам традиционализма. В их числе – объединение «За выживание аборигенов всего мира».

«Здесь в Америке мы все живём в долг и не задумываемся об этом, – писал один из его членов, Кен Дэвидсон, – поистине потрясает расточительность образа жизни многих из нас. Но что останется, когда индустриальный монстр прекратит, наконец, терзать эту землю, – пустыня? Теперь в американском обществе возрос интерес к знанию и обрядам индейцев. Не начинается ли это сбываться древнее предсказание о том, что спасительной индейской мудрости суждено овладеть умами?»*

«Сценой, на которой разыгрываются многие крупнейшие драмы современной истории, стала Западная Европа. Проблемы, с которыми она сталкивается, одинаковы для индустриальных обществ всего мира. Работа зелёных партий направлена на достижение практических реформ по устранению этих проблем» (10, 2, 12).

Сохранение среды обитания, предотвращение ядерной войны, отношения с «третьим миром», отказ от атомной энергетики, до сих пор не решившей проблемы захоронения ядерных отходов, и генной инженерии – вот вопросы, которыми преимущественно занимаются 20 европейских зелёных партий. Основа их программ – отказ от отождествления прогресса с активной экономической деятельностью по принципу «сегодня – много, завтра – ещё больше». «Зелёные» выступают за такую технику, которая не давит на человека, не воздействует разрушительно на природу.

Таким образом, многое совпадает в задачах индейцев-традиционалистов и «зелёных», существующих к тому же в качестве международной политической организации. И индейцы сотрудничают с ними. Но, в отличие от позиции коренных американцев, как считают последние, призывы «зелёных» носят характер полумер: предлагаемые ими экологические реформы не затрагивают основ общества и мировоззрения, породивших проблемы.

Потому-то идеи «зелёных» никогда не смогут быть реализованы в крупном масштабе. Их осуществление вызвало бы к жизни новый комплекс проблем, таких, как увеличение безработицы, последовавшее бы вслед за замедлением темпов роста производства. Не удивительно, что, при всей серьёзности их работы, «зелёные» не получают поддержки населения, достаточной для превращения в значительную оппозиционную силу.

Что касается европейских индеанистов, то многие из них объединены в так называемые группы поддержки, действующие теперь в 12 странах и связанные между собой. Каждая группа специализируется на определённых проблемах индейцев, высылая на место наблюдателя. Он контактирует с индейскими организациями и информирует свою группу о ходе решения вопроса.

Кроме групп поддержки, действуют такие организации и общины, как «Рабочая группа хопи» и «Традиционалистская группа старцев и молодёжи» (исповедующая германское язычество) в Австрии, «Европейский новый век», «Рабочая группа за духовность в политике и науке». Последняя является стоящей на платформе индейского традиционализма частью германской «зелёной» партии.

Деятельность подобных обществ и организаций сама по себе обычно не является предметом внимания традиционалистской печати, однако об их существовании и, отчасти, направлениях работы можно узнать из писем,

* Из письма автору.

публикуемых в индейских изданиях. Время от времени в «Аквесасне Ноутс» появляются выражения признательности какой-нибудь из этих организаций за поддержку кампании или практическую помощь (например, рабочей силой при строительстве Свободной школы в Аквесасне).

В России, в нескольких крупных городах, были созданы индеанистские центры. Помимо истории и традиционного мировоззрения коренных американцев, наших индеанистов привлекает их фольклор, народные ремёсла. Московский центр, например, на основе уже созданной им коллекции вышивок, изделий из кожи, имитирующих индейские, мечтает создать музей.

Проводятся ежегодные слёты индеанистов-любителей на лоне природы. Кроме того, существуют несколько традиционалистских общин индеанистов, информация о которых просачивалась в центральную отечественную прессу на рубеже 1980–1990-х годов. Наиболее известной тогда стала община Голубой Скалы в Алтайском крае, формально являвшаяся бригадой животноводов.

Общинники в неё собрались со всей страны, это были, главным образом, молодые горожане. «Мы не переехали в деревню, мы сюда вернулись, – пояснял один из них, – Россия была крестьянской страной, и у всех нас – крестьянские корни»*.

Общинники обзавелись семьями, растят детей, существование же общины объясняли так: «Нам импонирует глубокое понимание индейцами природы. Они сохранили в девственности многие общечеловеческие нравственные ценности. Сам факт нашего движения говорит о том, что есть в мире сила, которая стремится к самосовершенствованию и к совершенству жизни. Чтобы не раствориться в болоте потребительства и равнодушия, мы должны быть вместе»**.

Заключение

Толерантность в межнациональных отношениях – взаимное признание нациями прав друг друга на несходство – внешности, образа жизни, менталитета, вероисповедания. Толерантность возникает в условиях политической стабильности из осознания равноценности тебе Другого и порождает благожелательную любознательность по отношению к Другому.

Толерантность – хрупкое состояние межнациональных отношений, поскольку, в отличие от любви, бывает только взаимной. Толерантность меняет имя на беспечность, едва только распространится на интолерантность по отношению к своему субъекту. Итак, толерантность не признаёт за Другим только одного права – на интолерантность и экспансию в бытовой и духовной сферах.

Как же быть народам, у которых за плечами – века непонимания, обид и взаимных упрёков? Как быть народам, в отношениях между которыми не может идти речи о паритете сил и возможностей? Как жить рядом потомкам победителей и побеждённых, захватчиков и оккупированных, ведь толерантность по отношению к злорадствующим победителям всегда называлась предательством, а по отношению к поверженным врагам – великодушием?

Как прийти к толерантности (осознанию равноценности) вопреки историческим травмам, исказившим те самые «внешность, образ жизни, менталитет и вероисповедание»? Как разомкнуть порочный круг обоюдной агрессии?

* Крестьянка. М., 1990. №8. С. 12.

** Советская Россия. М., 1988. 10 сент. С. 4.

Эти вопросы, актуальные для всех народов мира, трудно, но всё же решаются в отношениях между белыми американцами и аборигенным населением материка. Процесс формирования этнической толерантности у первых начался с великодушия, закреплённого в законодательных актах середины XX в. Этот процесс привёл в дальнейшем к покаянию на государственном уровне и интересу на уровне общественном. Он обещает увенчаться пониманием, если не принятием, религиозно-нравственных ценностей традиционных культур.

Процесс формирования толерантности у американских индейцев по отношению к «евроамериканцам» должен преодолеть такие серьёзные преграды, как обида и чувство вины перед предками, навязанный ауторасизм, комплекс национальной неполноценности или компенсаторная мания превосходства.

И всё-таки, говоря об отношениях белых и «коренных» американцев, можно отметить, что взаимность доброй воли (то есть собственно толерантность) возникла в тот момент, когда стало возможно для тех и других закрыть глаза на последние три столетия, заглянуть в предысторию отношений как в «доисторию» обеих наций, обеих рас.

Тогда, по выражению аборигенов Австралии, «во времена сновидений», такие далёкие, что след их лежит теперь почти исключительно в сфере коллективного бессознательного, были аналогичны внешность, образ жизни, менталитет и языческое вероисповедание обеих рас. В этой перспективе вчерашние колонизаторы сами выглядят сиротами, отбившимися от сонма своих предков и богов.

Общность исторических судеб и духовной сферы человечества превращает ценности традиционных культур из объекта толерантного отношения национального большинства (всё ещё сродни терпимости) в основу подлинной толерантности.

Интерес европейцев к духовным ценностям аборигенных культур – это интерес к утраченным или не реализовавшимся собственным возможностям, к Другому как версии самого себя.

Стремление к переосмыслению своего традиционного мировоззрения в контексте общечеловеческой культуры в условиях глобализации мировых процессов есть также признание единства исторического и духовного пути человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилли А. Биология. М.: Мир, 1968.
2. Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: б/и, 1925.
3. История и семиотика индейских культур Америки / Отв. ред. А. Бородатова, В. Тишков. М.: Наука, 2002.
4. Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983.
5. Народ, да! Из американского фольклора. М.: Правда, 1983.
6. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы. М.; П.: б/и, 1923.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 21.
8. Я связан добром с землёй: Из современной литературы индейцев США / Сост. А. Ващенко. М.: Радуга, 1983.
9. Ващенко А.В. Служить конкретным целям // Иностранная литература. М., 1981. №8.

Индийские периодические издания США (1975 – 1997).

10. Akwesasne Notes. Rooseveltown, NY.
 - 1) 1979. Dec.
 - 2) 1985. Sum.
 - 3) 1986. Sum.
 - 4) 1988. Early Spr.
 - 5) 1988. Early Sum.
 - 6) 1989. Midwinter.
 - 7) 1989. Wint.
 - 8) 1995. Spr.
 - 9) 1995. Sum.
 - 10) 1995. Fall.
 - 11) 1996. Wint.
 - 12) 1997. Spr.
11. Attan-Akamik. NY, 1986. №7.
12. Eagle Wing Press. Naugatuck, CT, 1985. Early Sum.
13. The Indian Reader. Memphis, TN, 1987. Fall.

14. Wassaja. San Francisco, Ca, 1979. Oct.- Nov.